

**Немецкое моноконфессиональное село в Казахстане:
возникновение, развитие, разрушение (историко-демографический аспект)**

**//Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб.
научных трудов XII Междунар.науч.-практ. конф. 26-27 мая 2011 г., г. Усть-
Каменогорск, - Усть-Каменогорск: Либриус, 2011. С 27-39.**

Немецкое моноконфессиональное село (колония), как таковое, возникло в России в 60-е гг. XVIII в., в процессе миграции выходцев из немецких земель на основании правительственных указов и манифестов, приглашающих иностранцев селиться на пустующих землях, в том числе, «отдельными колониями и местечками»[1, с. 22].

В основу размещения прибывавших в Поволжье, а в последующем в Причерноморье и другие регионы колонистов, был положен моноконфессиональный принцип. «Колонии создавались преимущественно по религиозному принципу» [2, с. 130]. И хотя не всегда удавалось заселить колонию переселенцами одного исповедания, и отмечаются факты расселения в одной колоний переселенцев 2-х, а иногда и 3-х исповеданий, «к середине 1770-х гг., благодаря расселению колонистов с учётом вероисповедания, в большинстве колоний был обеспечен однородный конфессиональный состав»[2, с. 208].

К концу XIX в. в России существовало уже несколько тысяч немецких «материнских» моноконфессиональных поселений немцев-лютеран, католиков, реформатов, меннонитов, стали возникать первые «дочерние» поселения [3]. Часто поселения одного вероисповедания располагались достаточно близко друг к другу, образуя своеобразные «гнезда». В результате моноконфессионального принципа поселения сформировались этноконфессиональные общины. Практика расселения немцев в царской России по конфессиональному принципу и господство религиозных объединений в духовной жизни стали основными предпосылками формирования этноконфессиональных общностей внутри немецкой народности[4, с. 9]. В дореволюционный период и даже в первые десятилетия советской власти религиозная община продолжала выступать в качестве основной формы самоорганизации немецкого населения, проникающей все остальные формы и элементы. Религия являлась фундаментальной основой всей системы жизнедеятельности моноконфессиональных лютеранских, католических, меннонитских поселений, также как и поселений немцев-хилиастов, гернгутеров и др. Это было характерно и для городского немецкого населения, однако, именно моноконфессиональные посёлки, составлявшие одновременно и религиозную общину, выполняли основную функцию сохранения и воспроизводства этноконфессиональных групп.

Немецкое моноконфессиональное село на территории собственно Казахстана берёт своё начало в конце XIX – начале XX вв. и является продолжением традиции моноконфессиональности немецких поселений, оформившейся в России в предшествующий период. Образование моноконфессионального немецкого села в Казахстане стало результатом такого мощного демографического процесса как массовые миграции немецкого населения из материнских колоний на восток: в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию [5]. В результате в новых регионах возникли сотни дочерних колоний. Основным принципом расселения, как уже отмечалось, был моноконфессиональный. Возникли не только отдельные моноконфессиональные посёлки, но, также как и в России, целые «гнезда» поселений представителей одного вероисповедания. Исследователи отмечают, что «среди факторов, влиявших на географию расселения немецких колонистов в Сибири, наибольшее значение имела переселенческая политика правительства и местных властей. Велико было влияние и двух других факторов: природно-географического и этноконфессионального. Именно влиянием этноконфессионального фактора можно объяснить появление в годы столыпинской аграрной реформы большого количества неприписных переселенцев, т.е.,

прибывших в Сибирь самовольно, в немецких колониях под Омском, основанных в конце XIX – начале XX вв., и формирование компактного района водворения немецких колонистов в Кулундинской степи на Алтае» [6, с. 21].

Одним из основных регионов немецкой колонизации в конце XIX – начале XX вв. стал так называемый Степной край (в 1882 - 1917 гг. - Степное генерал-губернаторство), включавший Акмолинскую область (Омский, Петропавловский, Кокчетавский, Атбасарский и Акмолинский уезды), Семипалатинскую область (Семипалатинский, Павлодарский, Каркаралинский, Усть-Каменогорский и Зайсанский уезды) и Семиречинскую (до 1898 г.) области. На территории современного Казахстана, входившей в состав Степного края, сложилось несколько ареалов компактных моноконфессиональных немецких поселений. В 1895 г. в Акмолинском уезде южнее Акмолинска возникли лютеранские посёлки Рождественский и Романовский [7, с. 477]. Затем в этом же уезде возникли немецкие селения Павловское, Баронское, Самаркандское, Волинское, Новоузенское, Сарепта [7, с. 478]. К востоку от Петропавловска расположились католические посёлки Тонконового (1902), Грайлих, Херсоновка, № 66, Фольц-хутор(?). В Кустанайском уезде расположились католические посёлки Воскресенский и Озёрное, к северо-западу от Актюбинска – посёлок Варжинский (1911). Целый ряд посёлков возник в Кокчетавском уезде. При этом Келлеровская волость Кокчетавского уезда стала одним из основных районов компактного размещения посёлков немцев католического исповедания. К 1910 г. в Акмолинском уезде насчитывалось 16 немецких селений, в Кокчетавском – 13 [7, с. 478].

Крупным районом немецкой колонизации стал Павлодарский уезд (Павлодарское Прииртышье). В 1901 – 1910 гг. по правому и левому берегам реки Иртыш на 7 крупных наделах казённой земли площадью 58 тыс. десятин было образовано 26 моноконфессиональных «немецких» переселенческих посёлков [8, с. 19]. Общая численность переселенцев, по подсчётам исследователей, составила более 5000 человек или порядка 11% от всей массы переселенцев разных этнических групп [8, с. 23]. Переселенцы являлись выходцами из Екатеринославской, Таврической, Херсонской губерний, Области войска Донского. Были представлены 2 конфессиональные группы - лютеране и меннониты (церковные и братские). На основании близости месторасположения, исследователь Ю.И. Подопригра выделяет внутри сложившейся компактной группы поселений меннонитов 4 подгруппы посёлков: 2 - в Богдановской волости (1-я группа: посёлки Эбенталь, Константиновка в урочище Талдыкудук. 2-я группа: посёлки Штейнфельд, Гальбштадт, Гнаденталь, в урочищах Таскудук, Жаманкала, Жайнакай) и 2 - в Вознесенской волости (1-я группа: посёлки Райнфельд, Надаровка, Милорадовка в урочищах Шункырсу, Турсунбай и ауле Жакия и 2-я: посёлки Забаровка, Фриденсфельд, Эбенталь, Альтенау в урочище Муздыколь) Лютеранские посёлки также располагались 2 крупными группами. Пять лютеранских посёлков на правом берегу на переселенческом участке Федоровском в Богдановской волости: Акимовка, Васильевка, Луганское, Розовка, Анастасьевка. Вторая группа в составе 8 посёлков размещалась в Новоивановской волости на левом берегу Иртыша: Аввакумовский, Ново-Ивановский, Тихоновский, Любомирский, Никитовка, Приветный, Владимировский, Васильевский. И хотя переселение происходило одновременно с переселением в Кулундинскую степь, исследователь Ю.И. Подопригра склонна рассматривать немецкие посёлки Павлодарского уезда как «самостоятельное образование» [8, с. 20-24].

Ряд посёлков возник на территории Казахстана, входившей в тот период в состав Томской губернии. Основным районом немецкой крестьянской колонизации стал Змеиногорский уезд Томской губернии. Здесь возникла группа лютеранских колоний: Пруггеро, Кенигово, Горкуново, Америка [9, с. 14-21]. Несколько обособленно в Бельгагачской волости этого уезда расположилась католическая колония Мариенбург [10, л. 215, 218-220]. В Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области также несколько обособленно возник немецкий католический посёлок Екатериновка [9, с. 17, 21]. На юге Казахстана, в границах так называемого Туркестана, также образовалось несколько

поселений [11]. В современных границах Казахстана оказалось 2 посёлка – Константиновка и Степное.

По неполным данным, только в Акмолинской и Семипалатинской областях в 1907 – 1912 гг. было основано 106 немецких поселений [11, с. 53]. Согласно «Перечня немецких поселений» Карла Штумппа, на территории Казахстана в 20-е гг. XX в. существовало порядка 150 немецких посёлков (колоний, хуторов) [12]. К сожалению, конфессиональная принадлежность значительной части поселений не установлена. В Акмолинском уезде более 90% немцев по вероисповеданию были лютеранами, они же составляли подавляющее большинство в Павлодарском уезде, меннониты проживали в основном в Петропавловском и Павлодарском уездах, значительное число немцев-католиков отмечалось в Кокчетавском уезде Акмолинской области и в Кустанайском уезде Тургайской области [11, с. 54]. В целом по Казахстану наибольшее число немецких моноконфессиональных посёлков были лютеранскими, за ними следовали меннонитские и католические поселения. Посёлки отличались по численности населения: были небольшие посёлки насчитывавшие менее сотни жителей, средние посёлки в несколько сотен жителей и крупные посёлки до 1000 и более человек. Основная масса крупных посёлков приходится на немцев католиков. Число самих католических посёлков было ниже, чем численность поселений немцев-лютеран и меннонитов, поэтому чаще всего происходило доприселение малочисленных групп переселенцев католиков в уже существующие католические посёлки. Для католических посёлков, наряду с компактностью размещения, была характерна и довольно высокая степень дисперсности. Перечень немецких поселений в Казахстане, составленный нами на основании Энциклопедического словаря «Немцы России. Населённые пункты и места поселения» [13], содержит порядка 123 наименований. Из них - 52 составили лютеранские посёлки, 19 - меннонитские, 18 - католические, при этом у 34 посёлков конфессиональная принадлежность не установлена.

Моноконфессиональный принцип поселения в новых регионах позволял немцам сохранять традиционный, сформировавшийся в прежних местах поселения этноконфессиональный уклад жизни. Конечно, далеко не во всех поселениях имелись собственные церкви, молитвенные дома и, тем более, священнослужители. Обеспечение душепастырства было одной из самых насущных проблем вновь образованных посёлков. Обычно католические священники и лютеранские пасторы приезжали из соседних более крупных приходов Омска, Барнаула, Оренбурга. Несмотря на трудности первых переселенческих лет, посёлки старались обзавестись небольшими молитвенными домами (часовнями) и школой. Удовлетворение духовных нужд в новых посёлках, конечно же, уступало состоянию в прежних материнских колониях, но проживание в конфессионально однородном посёлке создавало возможность для сохранения религиозной общины и привычного жизненного уклада. «С момента переселения и вплоть до конца 1920-х гг. в переселенческих посёлках лютеран, католиков и меннонитов религиозная община выполняла консолидирующие функции этнического сообщества, выступала в качестве условия самосохранения и коллективного осуществления традиций в иноконфессиональном, иноэтническом и иноязыковом окружении» [8, с. 41]. Исследователи совершенно обоснованно рассматривают религиозную общину как организующий центр хозяйственных, судебных, повседневно бытовых, морально-этических отношений и религиозной жизни населения» [14, с. 263], как «центр религиозной и социокультурной жизни немецких переселенческих посёлков» [8, с. 47]. Ю.И. Подопригора отмечает: «Традиционная замкнутость немецких поселений, этническая и языковая изоляция от окружающего местного населения, эндогамный барьер способствовали сохранению многих составляющих духовной культуры немцев. Прежде всего, религии и вероисповедной практики (обрядности, обычаев)» [8, с. 47]. В этой связи, особое значение приобретает сформулированный исследователями вывод о характерных особенностях этноконфессиональных общностей. Этнограф Т.Б. Смирнова отмечает: «Эндогамная обособленность, сельский локальный образ поселения в иноязычной и иноконфессиональной среде, воздействие религиозных догм

послужили предпосылками формирования этноконфессиональных общностей. При этом с одной стороны, ряд специфических особенностей культуры и быта в результате сложного взаимодействия с культом, впитывается им, становится его составным элементом «конфессионализируется». С другой стороны, отдельные компоненты культового комплекса, особенно его ритуалы, ритуальные обычаи и традиции, проникая в национальные формы общественной жизни, приобретают характер этнических явлений» [15, с. 489]. «Единство семейно-родственной группы и религиозной общины обеспечило создание народной религии и этноконфессиональных общностей» [16, с. 74], и в этой смысле действительно можно согласиться с мнением о том, что лютеранство, как и баптизм, католицизм воспринимаются не как индивидуальные религиозные воззрения (системы), а как «национальный образ жизни» [8, с. 69].

Несмотря на антирелигиозную политику, развёрнутую с первых же дней советской власти, моноконфессиональные немецкие посёлки в Казахстане по-прежнему сохраняли свой традиционный религиозный уклад. Сигналы о нерушимости религиозных устоев немецких колоний поступали в Центр из разных регионов России, Украины Сибири. Исследователь Г.Н. Кондратюк отмечает: «Отличительная черта религиозного мировоззрения – его цельность. Для жителей немецких колоний был характерен высокий уровень религиозности. Поэтому сфера религии подверглась очень жёсткому давлению со стороны государства. В национальной политике 1920-х годов антирелигиозной пропаганде, периодическим кампаниям, отводилась важная роль. Немецкая секция Одесского Комитета ВКП(б) в сентябре 1926 года отмечала: «Советизации легче поддаются немцы-лютеране, остальные группы немцев более консервативны и продолжают вести патриархальный образ жизни... Секретарь немецкой секции Джанкойского райкома ВКП(б) Эрнст в своём отчёте отмечал: «Отношение к служителям культа хорошее и таковые среди немцев пользуются популярностью». Заместитель заведующего Орготделом крымского ОК ВКП(б) Шулемзон в аналитической записке отмечал: «...католические колонии индифферентно относятся к текущему моменту, слабо реагируют на строительство и до настоящего времени относятся с благоговением к своим патерам, находясь целиком под их влиянием... Среди католиков... сильно развит религиозный фанатизм, благодаря чему более или менее сознательных граждан наберётся среди них не более 10%... Немецкая молодёжь большей частью находится под влиянием своих родителей и почти во всех отношениях ни в чём от них не отличается, также религиозно, замкнута и политически не развита»» [17]. Анализируя особенности существования немцев-католиков в Украине в 1920-1930 гг., Н.С. Рублёва пишет: «Глубокое и всестороннее зондирование религиозной ситуации в Украине, проведённое в 1922-1923 гг. различными функциональными частями госаппарата (от спецслужб до профсоюзов), подтвердило, что, несмотря на глобальные общественные трансформации и разрушение церковной инфраструктуры, в массовом сознании произошли лишь незначительные секуляризационные подвижки. В первую очередь это касалось немцев-католиков. Из местностей компактного проживания немцев в «центр» поступали «сигналы» о нерушимости позиций РКЦ» [18, с. 347]. М. В. Егорова отмечает: «Тотальное искоренение религии, начатое большевистской властью с самого начала своей деятельности и принявшее особенно агрессивные формы в 1930-е гг., вело к разрушению важнейших устоев жизни немцев Поволжья, поэтому встречало отчаянное сопротивление с их стороны. Несмотря на разное вероисповедание, общим у всего немецкого населения было неприятие государственного атеизма, невосприимчивость к антирелигиозной пропаганде, стремление всем миром защищать священнослужителей, подвергавшихся репрессиям (сбор подписей в защиту, материальная помощь, укрытие и т.д.), попытки различными путями обойти запреты власти, приспособить религиозную жизнь к новым условиям, обращение за помощью и солидарностью к братьям по вере на Западе... Более половины всех массовых «антисоветских» выступлений поволжских немцев возникали на почве протеста против гонений на религию». В этой связи, собственность, церковь, школа рассматриваются как «основополагающие жизненные ценности и направления» по которым «оказывалось

наиболее ожесточённое сопротивление политике режима», нацеленной на «слом традиционных устоев жизни и навязыванию немцам сомнительных с их точки зрения ценностей сталинского социализма» [19, с. 24].

Аналогичной была ситуация и в немецких моноконфессиональных посёлках в Казахстане. В декабре 1928 г. Акмолинский окружком ВКП(б) сообщал Казахскому Краевому Комитету ВКП(б): «В посёлке Долинское Промышленного района ... общество находится по влиянием религии, глубоко пустившей свои корни. Этому служит примером то, что в 1927 г. общиной верующих был выстроен в селе большой молитвенный дом» [20, с. 23]. Даже в 1930 г. в Обзоре полномочного представительства ОГПУ о политико-экономическом состоянии немецких поселений в Казахстане отмечается: «Существующее строгое подчинение религиозным традициям способствует сохранению среди населения специфической, национально-религиозной обособленности немцев от окружающего населения...Религиозный фанатизм, особенно среди меннонитов настолько силён, что зачастую затемняет всякое партийно-советское влияние...Все проводимые партийно-советские мероприятия упираются в кулацко-религиозное влияние и консерватизм немецкого населения, не встречая должной поддержки, иногда даже со стороны бедноты» [20, с. 50].

С административными преобразованиями 20-х гг. исследователи связывают начало первоначального этапа разрушения компактной поселенческой структуры. По новым административным границам, немецкие и меннонитские посёлки оказывались в разных сельсоветах и волостях вместе с русскими посёлками. Так в Павлодарском уезде «лютеранские посёлки вошли в состав Первомайской волости и вместе с русскими сёлами были объединены в три различных русских сельсовета... Меннонитские посёлки Надаровка, Милорадовка, Чистополь, Забаровка, Софиевка, Домнинское, Раевка стали частью Володарской волости; совместно с русскими посёлками образовали Надаровский и Забаровский сельсоветы» [8, с. 31]. В ходе земельных «переделов» 20-х – 30-х гг. между немецкими и меннонитскими посёлками часто оказывались наделы русских и украинских поселенцев. Внутренняя однородная структура посёлков пока ещё сохранялась, но «гнездовой принцип» размещения немецких лютеранских, католических и меннонитских посёлков уже был частично нарушен.

Значительные последствия для моноконфессиональных немецких посёлков Казахстана имела эмиграция 20-х гг. Советские документы того периода отмечают наличие «усиленного течения по переселению в Америку». Сводя причины эмиграции к «кулацкой агитации, религиозным и национальным предрассудкам», эти же документы, что весьма интересно, цитируют «виднейшего меннонитского идеолога, представителя по делам меннонитов в Москве, Петра Фрезе, сформулировавшего причины эмиграционного движения следующим образом:

1. Гражданская война, принеся разорение меннонитских хозяйств и разрушение устоев и культурной и религиозной жизни.
2. Аграрная революция, имевшая своим последствием сокращение земельной площади немецких селений и образование между немецкими колониями целой сети неменнонитских поселений.
3. Политика партии и соввласти в отношении меннонитской крупной буржуазии и в отношении кулачества в деревне, в том числе и немецкого кулачества.
4. Запрещение преподавания вероучения в школах и введение вместо него антирелигиозных предметов, создание препятствий духовным лицам в организации религиозных школ и библейских курсов.
5. Принуждение местными властями меннонитов к военной службе с оружием в руках» [20, с. 52].

Эмиграционные настроения охватили все округа Казахстана. В ходе эмиграции не только сократилась численность населения этих посёлков, но и отмечалась самоликвидация целых поселений. Особенно эмиграционным движением были охвачены меннониты. Так по

Петропавловскому округу в 1929 г. «из 32 дворов хутора Скворцовского (меннониты) продали имущество 24 двора; хутор Михайловский – все продают; хутор Фризино – 1-й и 2-й (меннониты) – все продают; хутор Асаново – из 51 двора продали 35, которые все хотят выехать в Америку; хутор Эбенфельд (участок № 80) – все продали имущество и разбежались по разным районам СССР» [20, с. 34]. По немецким посёлкам Кустанайского округа также отмечается 2 направления миграционного движения: Америка и другие регионы СССР. По состоянию на начало 1930 г. «эмиграционным движением были охвачены немецкие селения следующих округов и районов: Павлодарский округ: 12 селений Цюрупинского района, 8 селений Коряковского района и 2 немколонии Павлодарского р-на с общим количеством хозяйств – 900; Семипалатинский округ: 6 селений Усть-Каменогорского р-на, 1 село Убинского р-на, 6 селений Бель-Агачского р-на и 4 селения Шемонаихинского р-на, с 731 хозяйством; Петропавловский округ: 1 селение Булаевского р-на, 2 села Трудового района и 3 селения Ворошиловского р-на с 178 хозяйствами; Акмолинский округ: немселения Промышленного, Революционного, Социалистического, Пролетарского р-нов с 1341 хозяйством; Кустанайский округ: 3 селения Затобольского р-на, 2 селения Викторовского р-на, 4 селения Боровского р-на, 2 селения Фёдоровского р-на с 1268 хозяйствами, Сыр-Дарьинский округ: 2 селения Келесского р-на с 619 хозяйствами... Наибольшее число выехавших отмечается по Павлодарскому округу – по Цюрупинскому и Коряковскому районам. Из этих районов с начала движения выехало в г. Москву 55 хозяйств с 264 едоками, преимущественно кулаков и середняков». Эмиграция всячески, в том числе и силовыми методами, сдерживалась властями. Далеко не все из желавших выехать и даже распродавших своё имущество смогли эмигрировать, однако, некоторые численные потери всё же отмечались.

Моноконфессиональные немецкие посёлки испытали на себе всю тяжесть аграрных экономических преобразований, пережили волну массовых политических репрессий, но всё же в основе своей сумели сохранить свою однородную конфессиональную внутреннюю структуру.

Переломной гранью в истории немецкого конфессионального села в Казахстане, как и немецкого конфессионального в целом, стала депортация 1941 г. [21]. Для моноконфессиональных сёл в прежних регионах проживания депортация означала их упразднение, в виду выселения их жителей немецкой национальности, для моноконфессиональных сёл в регионах размещения депортированного немецкого населения это имело своим следствием нарушение их однородной конфессиональной структуры. Говоря о процессе в целом, следует отметить, что несмотря на то, что уже в первые десятилетия советской власти по религиозной жизни различных групп немецкого населения и их Церквям были нанесены довольно мощные удары, решающий слом религиозного уклада жизни немцев произошёл именно в результате депортации.

Ещё раз обозначим в основных чертах последствия процесса. У лишённых в результате антирелигиозной политики предшествующих лет всяких условий для полноценной религиозной жизни немцев к началу Великой Отечественной войны всё же оставались их моноконфессиональные общины – последний оплот их традиционного, сформировавшегося на протяжении веков этноконфессионального жизненного уклада. В ходе депортации большая часть моноконфессиональных лютеранских, католических, меннонитских сельских поселений, а значит и религиозных общин во всех регионах, из которых осуществлялось принудительное выселение немцев, прекратила своё существование.

В ходе депортации не только были ликвидированы посёлки немцев различных конфессий, но был нарушен сам традиционный принцип моноконфессиональности поселения. Жители некогда единой моноконфессиональной общины по прибытию к новым местам поселения в Сибири, Казахстане и Средней Азии размещались в разных населённых пунктах [22]. Помимо моноконфессионального характера самих колоний, в прежних местах поселения отмечался и «гнездовой» принцип размещения колоний одного исповедания, в

новых регионах же немцы нередко оказывались по несколько семей среди местного инонационального и иноконфессионального окружения. Наблюдалось также смешение различных конфессиональных групп немецкого населения (католики, лютеране, меннониты).

В ходе размещения депортированных немцев отмечалось также и нарушение исходного принципа размещения в разрезе город-село, и нередко городские немцы оказывались в сёлах, а сельские жители в городах. Этот процесс ещё более усилился в результате мобилизации немецкого населения в Трудовую армию и его последующего «закрепления» в промышленных зонах, из-за нежелания властей терять рабочую силу. У немцев, оказавшихся в городах, наблюдался ещё больший разрыв традиционных общинных религиозных связей. Немцы в сёлах в этом плане имели возможность для более тесного контакта с единоверцами. Таким образом, в ходе депортации и мобилизации в Трудовую армию произошло нарушение традиционно преобладающего аграрного характера поселений немцев различных исповеданий, резко увеличилась их доля в городах.

Местные однородные в конфессиональном отношении немецкие католические, лютеранские, меннонитские посёлки в Сибири, Казахстане, Средней Азии номинально сохранились, но и они в годы войны понесли значительные потери в ходе мобилизации в Трудовую армию, но самое главное, отмечались факты «доприселения» депортированных немцев других исповеданий, вызвавшие изменение моноконфессионального характера поселений. Исследователь Ю. Подопригора, рассматривая историю немецких посёлков в Павлодарском Прииртышье, отмечает «если в начале XX в. в переселенческом посёлке проживали последователи одной конфессии, то во второй половине XX в. в одном сельском населённом пункте могли располагаться две и более религиозные общины разных конфессий» [8, с. 98]. В качестве ярких примеров можно провести посёлок Константинку, Павлодарской области (легендарный, прославившийся на весь Советский Союз колхоз «30 лет Казахской ССР»). Первоначально это было моноконфессиональное поселение, основанное в 1907 г. в 60 км к северо-востоку от Павлодара, на земельном участке Талды-Кудук (Богдановская волость, Павлодарский уезд, Семипалатинская обл.) меннонитами из Причерноморья. В 1926 г. в посёлке было 282 жителя [13, с. 187]. В результате депортации и последующих, связанных с ней процессов, в одном посёлке оказались немцы-разных исповеданий. Игорь Трутанов, проводивший в 80-х гг. в этом посёлке своё исследование, обнаружил в нём меннонитов, евангельских христиан-баптистов, лютеран и католиков. Некогда однородный в конфессиональном отношении посёлок стал поликонфессиональным [23]. Несмотря на то, что окружающим населением они все воспринимались как немцы, внутренние различия, имевшие под собой религиозную основу, между ними по-прежнему сохранялись. И. Трутанов приводит весьма забавные примеры сосуществования представителей различных конфессиональных и территориальных групп немецкого населения. Замечая характерные для каждой группы черты, их представители взаимно посмеивались и подтрунивали друг над другом. В 1970 – 80 гг. в с. Константиновка проживали не только немцы разных исповеданий, но и представители других этносов, всего 17 национальностей. Немцы составляли около 80 % населения села [24, с. 32-34].

Таким образом, в результате депортации впервые был кардинально нарушен преобладавший у основной массы немцев конфессионально обособленный характер жизни. Их маленький тесный общинный религиозный мир был разрушен. Они впервые очень близко столкнулись с другим - инонациональным и иноконфессиональным миром. В одночасье они оказались посреди этого мира и должны были выживать в нём и сосуществовать с ним. В условиях репрессивной национальной и антирелигиозной политики уделом всех без исключения конфессиональных групп немецкого населения на долгие десятилетия стала так называемая «катакомбная Церковь» - подпольная религиозная жизнь в молитвенных группах, чаще всего без священников, пасторов и проповедников. Основной формой религиозной жизни стала молитва – тайная групповая, семейная, личная.

Разрушение принципа моноконфессиональности немецких поселений, составлявшего основу их этноконфессионального жизненного уклада, на наш взгляд, стало

одним из самых необратимых последствий депортации. Депортация, в этом смысле, создала качественно новые условия для дальнейшего разрушения и коренной деформации этноконфессионального сознания [25].

В предшествующие периоды у различных групп немецкого населения наблюдалось исключительное преобладание конфессионального самосознания над этническим. Безусловно, оно отчасти сохранилось и в последующие десятилетия (прежде всего, у старшего поколения). Однако, в то же время, общность судьбы всех конфессиональных групп немецкого населения СССР в период войны, более тесное соприкосновение между собой в условиях депортации, Трудармии, спецпоселения способствовали некоторому усилению этнической составляющей самосознания немцев разных исповеданий [26]. «В результате расселения и совместного проживания в одном сельском населённом пункте представителей различных групп советских немцев с начала 1940-х гг. и до конца 1980-х гг. активно происходили процессы смешения, консолидации. Этому способствовало и разрушение традиционной конфессиональной изолированности немецких поселений» [8, с. 98]. В процессе разрушения религиозного жизненного уклада, со временем наблюдалось всё большее снижение уровня религиозного сознания, в итоге, у немцев, представлявших прежде одну из самых религиозных групп населения России, религия из фундаментальной основы жизнедеятельности трансформировалась в один из компонентов, причём не всегда имеющий место [27].

Религиозные общины, между тем, продолжали некоторое время существовать и в условиях разрушения моноконфессионального жизненного уклада, за счёт наличия в одном населённом пункте значительного числа представителей того или иного исповедания. Но говорить о моноконфессиональном посёлке, как единой системе жизнедеятельности, в основание которой положена вера, не приходится. Кроме того, начиная с 60-х гг. происходит постепенное исчезновение из конфессионального состава немецкого населения Казахстана меннонитов, в результате смены ими конфессиональной принадлежности (переход в баптистские общины). «В результате религиозных гонений, эмиграции и репрессий религиозных лидеров, произошло разрушение религиозной общины, функции трансляции религиозной традиции перешли к семье, переместились на внутрисемейный уровень» [8, с. 98]. Довольно чётко это представлено в работах исследователя П.Ф. Дика. И хотя работы написаны в советский период и несут на себе отпечаток атеистической идеологии той эпохи, они имеют в себе и рациональное зерно, не утратившее своего научного значения и по сей день. В защищённой автором кандидатской диссертации «Особенности религиозности протестантов немецкой национальности и пути её преодоления (на материалах Казахстана)» [4] рассмотрено взаимодействие протестантской общины и семейно-родственной группы, как основное условие воспроизводства религиозности в новых поколениях. «Роли семьи и общины в воспроизводстве религиозности в новых поколениях представляются следующим образом: в семье религиозное мироощущение закладывается, а в протестантской общине доводится до уровня миропонимания» [4, с.11]. В этом смысле исследование представляет значительный интерес, прежде всего, для учёных, изучающих сегодня вопросы этнической социализации немцев и роль традиционной немецкой семьи. Не утратили своей актуальности и результаты «анализа эволюции доминирующих методов религиозного воспитания в семье», изучения «роли социально-психологических механизмов подражания и заражения в воспроизводстве религиозного сознания и поведения». Исключительно научным являются исследовательские выводы о том, что «крупная община и религиозная семья являются главными, хотя и неравнозначными факторами воспроизводства религиозности в новых поколениях. Их взаимодействие обеспечивает, и способно обеспечивать в перспективе простое воспроизводство религиозности» [4, с. 12-13]. Важна и выделенная автором уже тогда характерная черта облика немцев-протестантов в советский период, проявляющаяся во «влиянии факторов религиозности и секуляризации», в «размежевании религиозного и национального на уровне обыденного сознания» [4, с. 12-13].

В последующие за депортацией десятилетия понятие моноконфессиональный

посёлок практически исчезает. На смену моноконфессиональному посёлку приходит понятие национального посёлка – «немецкого села» – населённого пункта с преобладанием жителей немецкой национальности, с сохранением отдельных групповых этноконфессиональных особенностей. Несмотря на преимущественно дисперсный характер расселения немцев в Казахстане, определённая компактность их проживания в 1950-е - 80-е гг. всё же имела место, причём не только на уровне областей, но и в границах отдельных районов и сёл [28]. В этот период существовало ещё порядка 650-700 сёл со значительной долей немецкого населения [24, с. 32-34]. К 1989 г. в этих сёлах проживало около 210-215 тысяч немцев, что составляло порядка 44% от всего сельского немецкого населения Казахстана [24, с. 32-34]. Более чем в 80 сёлах немцы составляли от 50 до 80% жителей [24, с. 32-34]. В основном «немецкие» сёла размещались в Целиноградской (20 сёл), Кокчетавской (13), Северо-Казахстанской (13), Кустанайской (9), Павлодарской (8), Карагандинской (7) областях. При этом наиболее высокий удельный вес немцев в «немецких сёлах» отмечался в посёлках основанных самими немцами.

В то же время в ходе административно-хозяйственных реформ 50-х – 70-х гг. некоторые немецкие посёлки, основанные ещё в начале XX в., были упразднены. Так в условиях политики укрупнения колхозов в конце 50-х – начале 60-х гг. прекратило своё существование и исчезло с карт немецкое село Америка, основанное немцами-лютеранами в начале XX в. на территории Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области [9, с. 61].

Значительные последствия для бывших немецких конфессиональных посёлков, особенно в Северном Казахстане, имел процесс освоения целинных и залежных земель. В составе национальной структуры многих немецких посёлков возросла доля представителей других этносов, увеличилось число межэтнических браков. Исследователь Ю. Буданова, проводившая исследование в бывшем немецком посёлке Надеждинка Кустанайской области, основанном в самом начале XX в. немцами-лютеранами, выходцами из Причерноморья, отмечает: «До 1954 г. ... только 2 семьи в селе были русскими. В 1954 г. началось освоение целины, которое повлияло на этнический состав населения. Во время освоения целины в посёлок приехали русские, украинцы, в Надеждинке работали также жители окрестных аулов (Май-Алап, Алгабас, Басагаш). В числе целинников были люди разных национальностей.. Некоторые парни женились на немках, так появлялись смешанные браки» [29, с. 187].

Массовая эмиграция немецкого населения Казахстана в Германию ознаменовала новый этап в развитии бывших моноконфессиональных, а теперь просто немецких сёл. За межпереписной период 1989-1999 гг. численность немцев в Казахстане сократилась с 957518 до 353441 человека. Отрицательное сальдо прироста к 1989 году составило -62,7%. При этом у сельского немецкого населения оно ещё выше –64,7%. Сельское немецкое население уменьшилось на 315 886 человек. Впервые доля сельских немцев стала меньше доли городских и составила 48,6%. С процессом массовой эмиграции немецкого населения в Германию в 1990 -2000 гг. связано не только дальнейшее разрушение структуры теперь уже просто немецкого села и замещение выехавших немцев представителями других этносов, но и порой полное исчезновение с карт Казахстана отдельных посёлков, основанных переселенцами в начале XX в. «Если из немецкого колхоза или совхоза выезжала большая часть населения (70-90 % немцев), хозяйство ликвидировали (упраздняли). Например, в 1999 г. в Успенском районе Павлодарской области упразднили сёла Наташино и Борисовка, которые были основаны меннонитами в 1908 гг., и в которых немцы до начала 1990-х гг. составляли 60-90% населения [8, с. 80]. Эмиграция нанесла мощный удар и по возродившимся религиозным общинам [31]. В некоторых посёлках численность верующих сократилась до нескольких человек, порой выезжали все, до последнего члена общины[32].

Итогом этих процессов стало исчезновение «немецкого села» как такового. Немецкое село в Казахстане больше не существует[33].

На сегодняшний период, по итогам Переписи населения РК 2009 г., в Казахстане

проживает 178409 немцев, 81 % из них исповедуют христианство[34, с. 278]. Конечно же, далеко не все из них являются «практикующими верующими», и не все из них являются приверженцами традиционных для немцев конфессий, сегодня среди немцев не мало православных, а также представителей различных протестанских конфессий. По Казахстану точные данные на этот счёт отсутствуют, но можно привести в качестве примера данные по России, полученные в ходе этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций. Ещё более 45% немецкого населения относит себя к традиционным для немцев конфессиям: лютеране – 32,5%, католики 12,4%, меннониты – 0,9%, в тоже время 29,3 % составили православные [35, с. 16]. В некоторых прежде моноконфессиональных сёлах Казахстана ещё существуют небольшие общины верующих. Отдельные сёла, основанные немцами разных исповеданий в конце XIX – начале XX вв., по-прежнему сохранили свои первоначальные наименования, в тоже время очень многие населённые пункты переименованы и без обращения к архивам трудно установить место положения бывших немецких моноконфессиональных посёлков на карте.

Таким образом, мы можем выделить несколько периодов в истории немецкого моноконфессионального села в Казахстане[36]:

1). Конец XIX – начало XX вв. - образование посёлков, формирование компактной моноконфессиональной поселенческой структуры оформление конфессионального уклада всей системы жизнедеятельности.

2). 20-е - 40-е гг. отдельные нарушения компактной поселенческой структуры в ходе административных реформ, сокращение численности жителей в результате эмиграции, сохранение традиционного конфессионального уклада, несмотря на мощную антирелигиозную политику.

3) 1941 гг. - 60-е гг. коренной перелом и разрушение моноконфессиональной структуры сёл, сохранение отдельных религиозных общин. Завершение истории моноконфессионального села в чистом виде.

4) 1970-е - начало 1990 гг. дальнейшее размывание конфессиональной идентичности, трансформация немецкого конфессионального села в «немецкое село» – «немецкий колхоз».

5) Начало 1990-х гг. - современность - массовая эмиграция немецкого населения, замещения населения немецких сёл представителями других этносов, исчезновение немецкого села как такового, в том числе, упразднение населённых пунктов, бывших когда-то моноконфессиональными немецкими посёлками.

В современной отечественной историографии довольно чётко сформулировано положение о том, что немцы в России по крайней мере до начала 1940-х гг. не представляли собой единого народа. «Формирование различных групп немецкого населения происходило в течение нескольких столетий в разных частях российской империи. Контакты и взаимовлияние были ограничены, а в большинстве вообще отсутствовали. Причиной тому являлись социальные, конфессиональные и территориальные различия» [26]. При этом конфессиональный признак выделяется как один из основных признаков классификации. Исследователем И.Р. Плеве получен очень важный методологический вывод о том, что «рассмотрение истории немцев в России возможно, отталкиваясь только от изучения отдельных социальных, конфессиональных и территориальных групп или сочетаний (например, социально-конфессиональных). Попытки их рассмотрения как единого этноса в России до 1917 г. неминуемо приведут к нарушению историзма в исследованиях, а настоящая история будет подгоняться под заранее определённые схемы» [26. с. 207-208]. Тем не менее, по-прежнему появляются работы, представляющие собой попытки некой «унификации» истории немцев в России. Подобные работы появляются в целом ряде областей исследования, в том числе, и в демографической. В качестве примера можно упомянуть работу Д.Г. Коровушкина «Немцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века»[37]. Исследование содержит богатый систематизированный статистико-демографический материал, призванный отразить размещение и динамику численности немецкого населения Западной Сибири, но автором

упущена одна из основополагающих составных структуры немецкого населения, а именно - его конфессиональный состав. На основе работы нельзя получить даже самые общие представления о конфессиональном составе немецкого населения, в исследовании нет не только статистических сведений, касающихся конфессиональной структуры немецкого населения, но и даже кратких указаний на основные конфессиональные группы немцев Сибири и религиозную принадлежность основанных ими посёлков, хотя бы для дореволюционного периода. Тем более, что в основу расселения немцев и меннонитов в Сибири был также положен именно религиозный принцип.

Отчасти ситуацию объясняют исторические последствия процесса депортации немецкого населения СССР. Депортация не только разрушила моноконфессиональный уклад жизни немецкого населения, о чём ещё уже говорилось выше, и вызвала дальнейшую трансформацию роли религии из фундаментальной в «компонентную», но и, в своих исторических последствиях, наложила существенный отпечаток на современную историографию истории немцев в России, лишив конфессионального характера не только историю советского, но и предшествующего - дореволюционного периода. Методологически, религии, несмотря на признание её важности, в современной отечественной историографии отводится место лишь «компонента», «фактора» в ряду других компонентов и факторов исторического развития немцев [25]. Анализ современной отечественной историографии показывает, что в целом, мы имеем довольно неплохую базу научно-исследовательских результатов, но насущно требуется доработка и переосмысление методологических подходов к религии и религиозной жизни немцев России в контексте этноконфессиональной истории в целом (особенно для периода до депортации). Более глубокое изучение немецкого конфессионального села, в том числе с использованием методов и приёмов микроисторического анализа в изучении конфессиональной структуры [38], видится нами, как одна из основных задач исследовательской работы в этом направлении.

Список литературы

1. Манифест императрицы Екатерины II о дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах от 22 июля 1763 г. //Немцы колонисты в век Екатерины. Сборник документов Российского государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье. М., 2004. С. 19-29.
2. Плеве И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998.
3. Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г. Справочник. Сост. В. Ф. Дизендорф. М., 2002.; Mertens Ulrich. Handbuch Russland-deutsche (mit Ortsverzeichnis ehemaliger Siedlungsgebiete). Nürnberg-Paderborn, 2001; Keller Konrad. Die Deutschen Kolonien in Südrussland. Neuauflage. HFDR, Nürnberg, 2000; Немцы России. Энциклопедия. Населённые пункты и места поселения. Энциклопедический словарь. Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2006.
4. Дик П.Ф. Особенности религиозности протестантов немецкой национальности и пути её преодоления (на материалах Казахстана). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к.ф.н. Ленинград, 1985.
5. Вибе П.П. Переселение немцев-колонистов в Степной край в конце XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской и Семипалатинской областей) //История немцев Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. Алматы, 9-10 октября 1997. Алматы, 1998. С. 19-30; История и этнография немцев в Сибири. Сост. П.П. Вибе. Омск, 2009. С. 72-91.
6. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой четверти XX вв. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д.и.н. Омск, 2009.

7. Немцы России. Энциклопедия. Т. III. М., 2006.
8. Подопригора Ю. И. Немцы Павлодарского Прииртышья. Алматы, 2010.
9. Бургарт Л. Из истории немецких поселений в Восточном Казахстане (нач. XX века – 1941 г.). Усть-Каменогорск, 1999.
10. ЦДНИ ВКО. Ф. 153. оп. 1 д. 439.
11. Кригер В. Рейн, Волга, Иртыш. Из истории немцев Центральной Азии. Алматы, 2006. с. 8 – 47.
12. Stumpp K. Verzeichnis der deutschen Siedlungen in Nord-(Sibirien) und Mittelasien//Heimatbuch der Deutschen aus Russland. Stuttgart, 1964. S. 87-99.
13. Немцы России. Энциклопедия. Населённые пункты и места поселения. Энциклопедический словарь. Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2006.
14. Чернова И. Религиозный фактор в социальных отношениях у немцев Алтайского края //Немцы Сибири: история и культура: материалы III междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2002.
15. Смирнова Т.Б. Этническое самосознание и этнические процессы у немцев Западной Сибири//Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения. Материалы международной научной конференции, Анапа, 20-25 сентября 1995 г. М., 1996.
16. Дик. П.Ф. Этноконфессиональный компонент духовной культуры немецкой национальной группы//Этнические немцы России: Исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18-20 сентября 2008 г. М., 2009.
17. Кондратюк Г. Н. Влияние национальной политики на внутренний мир немецких колоний Крымской АССР (20-30-е годы XX века)//Тезисы кандидатов на участие в XIII Международной научной конференции «Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков»/ www.rusdeutsch.ru
18. Рублёва Н.С. Особенности существования немецкой католической общности в УССР (1920-1930 гг.) //Немцы России и СССР: 1901-1941.Материалы 6-й международной научной конференции. М., 2000.
19. Егорова М. В. Поволжские немцы в стремлении к сохранению национальной идентичности, традиционных устоев жизни. Автореф. на соиск. уч. степени к.и.н. Саратов, 2006.
20. Из истории немцев Казахстана. 1921 – 1975 гг. Сборник документов. Ответ. ред. Г.А. Карпыкова. Алматы – Москва, 1997.
21. Бургарт Л.А. Вторая мировая война и немцы-католики в СССР: к вопросу о последствиях//Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. Материалы XIII международной научной конференции. Москва, 21-24 октября 2010 г. М., 2011 (в печати).
22. АУВД ВКО. Ф.5.- Оп. 2. - Д. 4. - Т. 3. - Л. 449, 450, 453, 458,469, 475; Д. 5. - Л. 102; ГАВКО. Ф. 462. - Оп. 2. - Св. 2. - Д.18; см. также: Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941-1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997; Бургарт Л.А. Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941-1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001; Савранина Т.В. Религиозные организации немцев в Западной Сибири в 1941-1955 гг. //Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941-1955. Материалы 7 международной науч. конф., Москва, 19-22 октября 2000. М., 2001. С. 313-320.
23. Trutanov I. Russlandsstiefskinder. Ein deutsches Dorf in Kasachstan. Berlin, 1992.
24. Национальный состав населения Казахской ССР. Алматы, 1990.
25. Бургарт Л.А. Разрушение религиозного уклада жизни немецкого населения вследствие депортации и принципиальные подходы современной отечественной

- историографии к определению места и роли религии в истории немцев в России и СССР//Депортация немецкого населения СССР в 1941 году и её последствия: современные взгляды и оценки. Материалы XIV международной научной конференции, Саратов 26-30 августа 2011 г., М., 2011 (в печати).
26. Плевне И.Р.К вопросу о классификации групп немецкого населения России//Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Материалы международной научной конференции. Москва 17-20 сентября, 1998. М., 1999. С. 203-208.
 27. Бургарт Л.А. Особенности расселения немцев-католиков в Казахстане и их взаимосвязь с практикой религиозной жизни (конец XIX – начало XXI)//Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник науч. трудов X Международной науч.-практ. конф., г. Усть-каменогорск, 15-16 мая 2009 г., - Усть-Каменогорск: «Либриус», 2009. С. 82-93.
 28. Бургарт Л.А. Влияние особенностей размещения немецкого населения в Казахстане на «индекс» этнического окружения (1959-1999 гг.)//Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы международной научной конференции. Саратов, 14-19 сентября 2004 г. - М., 2005. С. 192-202.
 29. Буданова Ю. П. Первые немецкие посёлки в Кустанайском уезде. Село Надеждинка. История по материалам архивных документов и воспоминаний коренной жительницы села М.Я. Гофман (Белоусько)//Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI Международной науч.-практ. конф./ответ. Ред. Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. - Омск, 2010. С. 185-193.
 30. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т.1. Итоги переписи населения 1999 года в РК. Алматы, 2000.
 31. Бургарт Л.А. Влияние миграционных факторов на формирование и развитие Католической Церкви в Казахстане //Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сб. науч. трудов VII международной научной конференции. Усть-Каменогорск, 2006. С. 54-61.
 32. Becker Guido. Und die Krebse pfeifen doch. Bei den Russlanddeutschen in Kasachstan. Meckenheim, 2000.
 33. Бургарт Л.А. Сельское немецкое население Казахстана в XX веке: основные этнодемографические характеристики (по материалам всеобщих переписей населения) //Ключевые проблемы истории и культуры российских немцев. Материалы 10-ой международной научной конференции, Москва, 18-21 ноября, 2003. М., 2004. С. 473-499.
 34. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги Национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Стат. сборник/под ред. А. Смаилова/ Астана, 2010.
 35. Смирнова Т.Б. Результаты этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций российских немцев// Немцы новой России: проблемы и перспективы развития. Материалы 2-й международной научно-практической конференции, Москва, 7-9 декабря 2009. М., 2010.
 36. см. также, Бургарт Л.А. Немецкие поселения в Восточном Казахстане (1901-1941 гг.): историография, источники, периодизация развития //Немцы России и СССР: 1901-1941 гг. Материалы международной научной конференции. Москва, 17-19 сентября 1999 г. М., 2000. С. 381-403; Бургарт Л. Немецкие поселения в Восточном Казахстане. Этапы исторического развития (1900-1941 гг.) (на рус. и нем. яз.) //История российских немцев. Доклады, подготовленные слушателями семинара молодых историков в 1999 году. Мамонтовка (Москва), 2000. С. 3-13.
 37. Коровушкин Д.Г. Немцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск, 2007.

38. Недзельюк Т.Г. Методы и приёмы микроисторического анализа в исследовании конфессиональной культуры//Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI Международной науч.-практ. конф./ответ. Ред. Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов. - Омск, 2010. С. 35-40.